УДК 811.161.1

DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-6-180-193

Метатекст и речевая маска автора (на примере жанра колонки)

И. В. Высоцкая¹, В. А. Марьянчик²

¹ Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

² Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова
Архангельск, Россия

Аннотация

Описывается четырехуровневая модель образа автора публицистического текста. Рассматриваются структура, семантика и функции метатекста. Анализируется формирование смыслов с помощью метатекстовых единиц на уровне содержательно-фактуальной, содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой информации. Авторы выделяют основные функции метатекста в жанре колонки: когезия, разграничения субъектно-речевых планов повествования, характеристика слов и высказываний как сигналов эпохи или социальной ситуации, моделирование образа автора и др. Особой функцией метатекста считается текстотипизирующая. Также авторы выделяют различные типы метатекстовых элементов, в том числе скрытый метатекст и фиктивный метатекст. Предлагается образец метатекстового анализа медиапроизведения. Анализируются речевая маска и метатекстовое поведение как компоненты образа автора.

Ключевые слова

публицистический стиль, журналистика, колонка, образ автора, речевая маска, метатекст, метаязыковое поведение

Для цитирования

Высоцкая И. В., Марьянчик В. А. Метатекст и речевая маска автора (на примере жанра колонки) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 6: Журналистика. С. 180–193. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-6-180-193

Metatext and the Speech Mask of the Author (In the Works of Columnists)

I. V. Vysotskaya¹, V. A. Maryanchik²

¹ Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

² Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov,
Arkhangelsk, Russian Federation

Abstract

In the article the four-level model of the image of the author of publicistic text is considered. There are metatext, its structure and semantics are analyzed. The authors analyze the formation of meanings at the level of actual, conceptual and implicit information. The article proves the connection of metalanguage behavior with the semantic structure of the text. The authors identify the main functions of metatext in the column genre: coherence, differentiation of subject-speech narrative plans, characterization of words and utterances as signals of an epoch or social situation, modeling of the author's image, etc. "Textotyping" is considered as special function of metatext. The authors also distinguish different types of metatext, including hidden metatext and metatext and fictitious metatext. A sample of

© И. В. Высоцкая, В. А. Марьянчик, 2020

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 6: Журналистика
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2020, vol. 19, no. 6: Journalism

metatext analysis of media production is shown. The article analyzes the speech mask and metatext behavior as a component of the author's image.

Keywords

publicistic style, journalism, column, image of the author, speech mask, piece of writing, metalinguistic behavior

For citation

Vysotskaya I. V., Maryanchik V. A. Metatext and the Speech Mask of the Author (In the Works of Columnists). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 6: Journalism, p. 180–193. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-6-180-193

Объектом настоящего исследования¹ послужили единицы метатекста, формирующие речевую маску автора-колониста. Колумнистика – особое жанровое направление, стиль которого отличается диалогичностью и акцентированием личностного индивидуального начала². Одним из инструментов создания индивидуальности авторской манеры в рамках жанра колонки становится метатекст, вербальная рефлексия.

Актуальность проведенного исследования обусловлена развитием антропоцентрической парадигмы в речеведении, стилистике, журналистике. Обозначим три наиболее важных момента данного подхода, непосредственно связанных с результатами проведенной работы. Во-первых, речевое поведение «эталонных» речевых личностей становится ориентиром для массовой целевой аудитории, формируя «языковой вкус эпохи» (перифраз В. В. Костомарова). Во-вторых, признается, что наиболее эффективны такие механизмы воздействия на адресата, которые спонтанно или сознательно «вмонтированы» в речевое произведение, но скрыты за внешней, фактологической информацией. В-третьих, моделирование идиостилей требует выделения субтекстов и их детального анализа.

Актуальность определяется также многомерностью метатекста (как объекта исследования) и его коммуникативным потенциалом. Обзоры концепций и терминологических систем в этой сфере появляются достаточно регулярно, например, в [Перфильева, 2006; Гилева, 2010; Иванников, 2017] и др. Ученые признают правомерность как узкого подхода (отражен в работах М. В. Ляпон, И. Т. Вепревой и др.), так и широкого, который не сводится к языковому коду, а аксиологически обращен к коммуникативному событию. При расширенном толковании метатекст может представлять собой целостную интерпретацию какого-либо текста, произведения, формировать его «метатекстуальный фон» [Чумак-Жунь, 2015]. Вопрос о коммуникативном содержании метатекстовой деятельности решается по-разному. Так, еще А. Вежбицкая в статье, давшей импульс многим исследованиям, выделяла прагматический аспект метатекста [Вежбицка, 1978]. Ученые выявили, что эксплицитный коммуникативный модус сообщения принимает форму метатекста, метапоказатели демонстрируют коммуникативную компетенцию говорящего, метатекст выполняет коммуникативную функцию и соотносится с такими категориями, как авторизация, осторожность, искренность [Перфильева, 2006, 2010; Рябцева, 1994]. Анализ специфики метатекста в том или ином идиостиле или жанре весьма актуален, так как обозначает перспективу выхода на новый уровень обобщения. Поэтому за последнее время появились работы, посвященные описанию метатекста в научных текстах, иноязычных грамматиках, судебной речи, бульварном романе и других художественных жанрах, в произведениях отдельных авторов, дружеских письмах, примечаниях переводчиков и т. д.

Целью настоящего исследования являлся определение функциональной специфики метатекста в авторской колонке, анализ метатекста как коммуникативного действия, как результата метатекстового поведения субъектов журналистского произведения. Основные задачи – анализ метатекстового поведения автора, выделение речевых масок, характеризующих вер-

¹ Его отправной точкой послужило обсуждение магистерской диссертации: *Святкин И. Н.* Метатекстовое поведение автора художественно-публицистического текста (на примере «Новой газеты» и «Известий») (Новосибирск, НГУ, 2018). Науч. рук. И. В. Высоцкая.

² Сопоставление колумнистики с жанрово-стилевыми понятиями «публицистика», «авторская журналистика», «аналитическая журналистика», «журналистика мнений» остается за рамками данной статьи.

бальную рефлексию. **Материалом** исследования служит текст авторской колонки Дмитрия Быкова³ (романиста, поэта, автора литературного жанра «рифмованная проза», эссеиста, автора политических памфлетов, сценариста, биографа, кинокритика).

Значимость и новизна полученных результатов состоит в целостном анализе метатекста колонки (впервые этот жанровый материал рассматривается в таком аспекте), а также в пополнении теории в результате разграничения эксплицитного (открытого) и имплицитного (скрытого) метатекста и выделения новой функциональной разновидности – метатекста-замысла. Метатекст трактуется как коммуникативное действие, результат метатекстового поведения. Новизна заключается в выявлении связей между метатекстовыми фрагментами колумнистики и речевыми масками журналистов в рамках модели идиостиля, в соотношении метатекста с информационными уровнями журналистского текста – фактологическим, концептуальным, имплицитным (подтекстовым). Базовым положением послужило следующее: метатекстовое поведение авторов-колумнистов свидетельствует об определенной речевой маске – «человек рассуждающий», умеющий анализировать не только ситуацию, но «я-в-ситуации», «я-в-мире», «я-в-речи». Речь, слово, вербальный образ становятся ценностями особого рода. Данный стилистически-смысловой феномен исключает возможность интерпретировать произведение журналиста как свидетельство «деградации», «падения речевой культуры» и т. п., даже в случае подчеркнутой натурализации и просторечной экспрессивности созданного текста.

В качестве основных **методов** исследования использовались метатекстовый функционально-структурный анализ, интерпретация и интроспекция. В теоретической части мы опирались на исследования в области медиалингвистики и теории метатекста. Напомним, что термин «метатекст» был введен в лингвистике А. Вежбицкой. Она использует терминологическую метафору «метатекстовые нити» – слова и выражения, которые указывают на тему, на связь между фрагментами, на дистанцирование говорящего от информации (*что касается..., кстати, почти, ранее*) [Вежбицка, 1978].

Исходными тезисами, важными для концепции исследования, признаются следующие:

- воздействующая функция современного медийного дискурса определяется рядом факторов, в том числе ростом, расширением информационного поля, разнообразием тематики, возможностью альтернативной подачи информации в различных источниках, ослаблением императивности, усилением индивидуализации и персонализации автора/медиатора и целевого адресата;
- влияние разговорной речи на письменную коммуникацию продолжает усиливаться, нормативные границы языка СМИ расширяются, появляются иные стилистические стандарты, книжно-письменный и устно-разговорный варианты языка сознательно и спонтанно интегрируются в журналистском творчестве;
- субъективизация газетного текста остается устойчивой тенденцией, отражающей специфику современного языка медиа, объективная информация «подчиняется» субъективным авторским смыслам, СМИ, скорее, не информируют, а интерпретируют события [Кормилицына, 2008];
- полифоничность современного публицистического текста решает несколько задач, усиливая воздействующую функцию: подтверждение демократизации и имитация объективности через демонстрацию различных взглядов на объект обсуждения, стилистический эффект полемичности и диалогичности, интеллектуальная игра интертекстуальным и пр.;
- «колумнистика» (термин заимствован из американской журналистики начала XX в.) представляет собой: а) особое направление журналистского творчества; б) способ образно-аналитического познания социального мира; в) совокупность журналистских материалов в виде колонок;

³ Быков Д. Роман для власти (Новая газета, 31.07.2017). URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2017/07/29/73276-roman-dlya-vlasti> (дата обращения 24.01.2020).

- колонка как авторский стиль, способ подачи текста и/или как жанр (см. дискуссии в [Ярцева, 2011; Лукашевич, 2007; и др.]) – это периодическая публикация СМИ, акцентирующая мнение, точку зрения персонифицированного автора; содержание колонки диктуется тематикой рубрики, например, «Экономика», «Судебная хроника», «Новые книги» и др.; жанровые корни колонки уходят к комментарию, обозрению, эссе; в современной журналистике колонка становится маркером профессионального признания и статуса;

- использование метатекстовых средств и рефлексивов анализируется в рамках теорий идиостиля, образа автора медиатекста, речевого поведения, речевых тактик и стратегий, а также учитываются выводы литературоведческих работ; метатекстовые высказывания выполняют субъективно-модальную, рефлексивную, логико-связывающую функции [Шумарина, 2011; Ахметбекова, 2014; Богачанова, 2015; Баранов, 2018; Радионова, 2019 и др.].

Назовем **признаки колумниста как речевой личности**. По законам жанра, колумнист имеет авторитет в профессиональной сфере, демонстрирует компетентность и эрудированность, высокий уровень речевой культуры. Он становится «монополистом» беседы, своего рода фильтром потока информации, инициатором бесед и дискуссий по определенным темам. Журналист должен обладать оригинальным мышлением, позволяющим подать проблему с неожиданного ракурса. Колумнист выбирает факты и поводы из информационного пространства и облекает их в оболочку мнений, тем самым повышая значимость, увеличивая информационный вес объекта обсуждения в глазах читателя, формируя его медиакартину мира. Речевая форма текста колонки – эмотивно-ориентированная беседа с устойчивой / регулярной / своей аудиторией. В тексте эксплицитно выражается оценка описываемой ситуации. Автор может использовать различные речевые маски (друг, богема, иронист и т. п.), но должен быть узнаваемым по индивидуальному стилю и персонифицирован в рамках текста как коммуникативного события. По мнению исследователей, колумнист представляет собой особый лингвокультурный типаж, демонстрируя типизируемость личности, значимость личности для культуры, возможность фактического и функционального существования личности, ценностную составляющую, потенциал карикатурной или упрощенной репрезентации, возможность социолингвистического и лингвокультурологического анализа [Карасик, 2005; Лукашевич, 2007].

Колумнист создает образ себя как профессиональной речевой личности, эксплицируя и акцентируя свои нравственно-этические представления, социальные установки, жизненную позицию. В конечном счете, независимо от тематики колонки (о еде, моде, информационных технологиях, политических реалиях или др.), независимо от речевой формы (юмористическая колонка, советы и т. д.), независимо от информационного повода публикации (событие, явление, факт, судьба, характер, иное), предметом внимания в колонке становится субъект высказывания, его эмоции, реакции и рассуждения.

Колумнист ориентируется на читателя и балансирует на грани «оправдать – обмануть ожидания». Он понимает, что текст должен вызвать адмиративный эффект, поскольку читатель ждет разрушения шаблонов, свежего взгляда, оригинальности выражения. В то же время для формирования коммуникативного противовеса «оправдать ожидания» необходима доверительная тональность, сближающая автора с читателем. Такая тональность достигается путем использования комплекса речевых тактик и языковых приемов, к которым относится диалогизация текста и языковая игра, включая иронию, словотворчество, различного рода реминисценции и аллюзии.

Второй типичной речевой тактикой «оправдания читательских ожиданий» является интеллектуализация изложения, поскольку в поле читательских пресуппозиций автор колонки является авторитетным источником знания о мире, профессионалом, тонким аналитиком. Для нашего исследования важно, что интеллектуализация не ограничивается каким-либо знанием, а связана, прежде всего, с вербальной технологией формирования новых смыслов в тексте путем рассуждения. Следовательно, автор должен расставлять в тексте некие смысловые опоры, помогающие читателю следить за ходом мыслей. Эта необходимость форми-

рует эксплицитный метатекст колонки как жанровый инструмент. Типичные способы интеллектуализации журналистского текста – ирония, авторская метафора, словотворчество.

Важно отметить точки взаимодействия доверительной тональности и интеллектуализации как речевых тактик. Так, новое слово, новая метафора, ироничное высказывание и т. п. служат сигналом для читателя, что автор оказывает ему «интеллектуальное доверие»: имплицитно предоставляет право адресату использовать известные ему когнитивные коды для расшифровки заданных смыслов.

Для создания перечисленных стилистических эффектов и усиления воздействующего потенциала текста автор колонки выбирает определенную речевую маску (см. в [Марьянчик, 2010; Шпильман, 2012]), являющуюся обязательным компонентом структуры образа автора. В структуре образа автора медиатекста мы выделяем четыре уровня: первый уровень – реальный коллективный автор, второй уровень – реальный индивидуальный автор, который реализуется в речевой деятельности как языковая личность, третий уровень – образ вербального автора, четвертый уровень – «автор в тексте», автор-персонаж.

Считается, что в основе речевой маски лежит *чуждой* языковой образ, это временная и ситуативная эксплуатация *чуждого* речевого поведения (см. в [Шпильман, 2012]). Однако в журналистской практике маска может максимально сближаться с речевой личностью автора или присваиваться им в процессе профессиональной деятельности. Поэтому граница между уровнем реального индивидуального автора, который определяется наличием биографического автора, персонализацией речи, и уровнем вербального автора в текстах колумниста может быть неуловима для массового читателя. Однако при стилистическом анализе следует помнить, что вербальный образ представляет собой не реальную личность, а социально-интеллектуальную интенцию, речевую стратегию и тактику, композиционный центр, композиционное единство и идиостиль. Вербальный образ включает языковой / речевой имидж, языковую/речевую маску, речевое поведение, которые создаются целенаправленно. Главная функция маски в публицистическом тексте не сокрытие «Я», а открытие нового авторского «Я» с целью воздействия на адресата. Языковая (речевая) личность и ее маска разграничиваются как уровни в образе автора: языковая личность выступает точкой отсчета, когнитивно-вербальной базой и мотивирующей основой для дальнейшего формирования имиджа и маски.

Уровень автора-персонажа факультативен, используется в определенных жанрах (интервью, беседа, репортаж и др.). Колонка относится к тем жанрам, где автор-персонаж присутствует как собеседник, а основным фокусом внимания, как мы отмечали выше, являются не информационные поводы, а точка зрения колумниста и ход его рассуждений. Следовательно, в колонке, как правило, представлены все четыре уровня образа автора. Метаязыковые рефлексивы служат сигналами присутствия автора в хронотопе текста, отражая ценностную картину мира, см.: «Метаязыковое сознание носителя языка аксиоцентрично: предмет обыденной аксиологии составляют рефлексивные высказывания, топиком которых является ценностное содержание слова, вербализующего концепт» [Вепрева, 2017. С. 118].

При анализе масок автора медиатекста следует учитывать два важных момента. Во-первых, образ автора как результат интерпретации медиатекста не может быть эквивалентен замыслу, всегда перерастает его. Во-вторых, анализ масок требует учета их взаимодействия, смежности. Так, ирония (особенно вне эстетического дискурса) может переходить в глум и оказывается на грани цинизма. С другой стороны, маска ирониста, безусловно, пересекается с маской критика. Разница между ними во внешней пассивности / агрессивности и внутреннем аксиологическом потенциале. В-третьих, выбор авторской маски диктуется взаимодействием автора и адресата в медиадискурсе с учетом жанра (см. об этом выше).

В ходе анализа материала подтвердилось, что способом экспликации речевой маски является **метатекст**. В коммуникативном пространстве выделяется семиотическое, знаковое поведения [Радбиль, 2010. С. 281], которое заключается в том, что одно конкретное действие является символом другого. К конститутивным признакам семиотического поведения отно-

сится то, что оно подчеркивает «близость» со «своими» и обособленность, противопоставленность по отношению к «чужим». **Метаязыковое поведение** включает оценки и /или интерпретации своего или чужого речевого поступка, которые могут выражаться через языковой комментарий, анализ высказываний и текстов и пр. Исследование отдельных метатекстовых знаков, единиц и метатекстового поведения имеет значение для понимания коммуникативного намерения автора. Рефлексивные слова и выражения становятся сообщением о самом себе как о референте.

Считаем, что можно разграничить **открытый метатекст** (авторское высказывание, направленное на речевой факт и оценивающее / идентифицирующее его) и **скрытый метатекст**, связанный с использованием интертекстуальных фрагментов. Скрытый метатекст заключается в том, что, используя в интертекстуальном фрагменте крылатое выражение, цитату и др., говорящий признает их оценочный / интерпретативный потенциал и тем самым скрыто оценивает саму интертекстему.

При анализе единиц метатекста выделяют «метатекстовые фрагменты» «метатекстовые комментарии», «метаорганизаторы», единицы «специально метаязыкового назначения». В узком понимании метатекстовые единицы не соединены семантически с текстом, а входят в словарь метатекстовых средств языка, служат для контроля речевой деятельности. В широком значении метатекст включает различные языковые, речевые, текстовые элементы со значением речи и /или направленные на оценку / интерпретацию речи, см. глаголы речи, существительные и прилагательные со значением языковых фактов и речевых реакций, дискурсивные слова и др. Так, особую функцию выполняют метатекстовые комментарии в художественном тексте, в поэзии и прозе (см. в [Высоцкая, 2010]). Метаязыковые комментарии могут становиться целостным текстом, дискурсом, в котором слово или выражение анализируется, рефлексивируется, персонифицируется, дается оценка речевому факту, словоупотреблению или речевому поведению.

В тексте колонки мы выявили метаязыковые элементы всех типов. Основные функции метатекста в жанре колонки следующие: структурирует текст (функция когезии), устанавливая связи между его частями, эксплицирует логику автора, разграничивает субъектно-речевые планы в структуре повествования, служит для ментирования в медианарратив или ментатив «чужой речи», выполняет характерологическую функцию, отображая особенности медиаперсонажей и их групп, характеризует специфическое употребление слов и высказываний как сигналов эпохи или социальной ситуации, особенности их восприятия автором, а также создает коммуникативную корреляцию «автор – адресат», моделируя образ адресата.

Особой функцией метатекста мы считаем текстотипизирующую. Наиболее общими типами текста называют *ментатив* и *нарратив* [Кузнецов, 2007; Тюпа, 2011 и др.]. Поскольку в ментативе доминирует референция к мышлению, к ментальной ситуации, к речевой форме, данный тип требует особых средств структурирования, к которым и относятся метатекстовые единицы. Колумнистика представляет собой ментативное творчество.

В качестве примера целостного метатекстового анализа рассмотрим публикацию Дм. Быкова «Роман для власти».

Выбранный текст имеет метатекстовый заголовок, который не только задает перспективу для интерпретации⁴, но и эксплицирует вербальное явление: «**Роман для власти**». Заголовок содержит жанровую номинацию с включенной социально-статусной характеристикой адресата жанра. Ср. с подзаголовком «*Дмитрий Быков – о том, какое **произведение** может стать спасительным для мира*», включающим метатекстовый компонент и выражающим интенцию автора. Композиция ментатива прозрачна. В лидер-абзаце предлагается классификация текстов и фокусируется внимание на одной группе, обозначенной в заголовке; в данную группу включается пять известных литературных произведений; далее следует пять

⁴ Иллюстративный ряд, на наш взгляд, удачно поддерживает неоднозначность заголовочного комплекса.

композиционных частей, каждая из которых посвящена одному из произведений. Референтом ментатива служат рассуждения автора о советском прошлом и роли «романа для власти» в тех исторических границах. Следующая композиционная часть посвящена размышлению о судьбе рассказа Ю. Лужкова. По способу подачи мысли эта часть отличается от предыдущих усиленным иносказанием. В основной смысловой части речь идет о современной политической эпохе и о «романе для власти» как факте будущего. В заключительной части формулируется затекстовая перспекция, отражающая политическую позицию автора.

Задача метатекстового анализа – выделить все метатекстовые единицы, определить их функции и механизм взаимодействия с основным текстом, обобщить полученные речевые факты, моделируя метатекстовое поведение автора и его речевую маску.

В начале колонки формулируется исходный тезис: *«Все тексты – по крайней мере, в российской литературе – подразделяются на три категории: написанные за власть, против власти и для власти»*. В этом случае вектор авторской оценки направлен на текстовую деятельность «другого», на литературное наследие. Власть-адресат как критерий авторской классификации дает метаинформацию: любые тексты являются способом интерпретации политической реальности. Политика и литература для автора неразделимы.

Следующее предложение пунктуационно акцентировано как парантеза. Здесь начинается диалог с читателем – моделируется возражение воображаемого собеседника: *«(Наверняка кто-то скажет, что есть и четвертая – тексты, игнорирующие власть, но...)»*. Общий речевой глагол *сказать* используется в значении *возразить*. Авторская классификация литературного наследия становится объектом **персонажного оценивающего метатекста** с общим значением «предлагаемый текст не является полным и требует уточнения». Будущее время, неопределенное местоимение в позиции субъекта и модальное слово со значением уверенности говорящего формируют речевой акт «предположение»; противительная конструкция включает авторский антитезис. Таким образом, акцентированная парантеза эксплицирует дискуссионность позиции колумниста и готовность автора к защите своей точки зрения.

Фокусировка объекта ментатива происходит с помощью градационной эмотивно-интеллектуальной оценки (*наиболее интересны*). Вводная конструкция со значением указания на источник (*на мой нынешний взгляд*) выстраивает диалогичность, поддерживает эффект дискуссионности. В рассматриваемую группу автор включает ряд текстов и оценивает их по критерию коммуникативной эффективности: *«пять таких сочинений, достигших своей цели», «наиболее известный роман»*.

В размышления о романе «Мастер и Маргарита» включается персонажная оценка своей текстовой деятельности по названному выше критерию: *«книга, о прижизненной публикации которой автор не думал, поскольку представлял себе ее последствия»*.

Развернутым метатекстовым фрагментом является коммуникативно-смысловой перифраз («посыл») романа «Мастер и Маргарита», предлагаемый автором: *«...мы, художники, интеллектуалы, признаем тебя неизбежным и полезным злом и даем тебе моральную санкцию на расправу с людскими, которых сам же ты отчасти и вывел; но береги художника. Вспомнят художника – помянут и тебя, сына сапожника»*. Авторский метакомментарий включает оценку формулируемого «посыла» по критерию формы: *«довольно очевиден»*.

Фактологическую информацию автор маркирует дискурсивными метаединицами, передающими отношение к сказанному: *«якобы через знакомую портниху»* (отстранение от сказанного, сомнение в правдивости и точности информации), *«правда, судя по...»* (важное уточнение, меняющее содержание информации). Часть метатекста организует именно фактологическую информацию – указывает на способ передачи информации: *«цитируемые ею слова»*.

Второй текст – пьеса Леонова «Нашествие» – также получает оценку автора по критерию коммуникативной эффективности (*«услышанный»*) и критерию формы (*«недвусмысленно», «острота содержания», «уже натяжка»*). Персонажная оценка, направленная на текст,

имеет общий социально-мелиоративный знак: «удостоенная Сталинской премии». В этой композиционной части также предлагается коммуникативно-смысловой перифраз пьесы: *«Идея проста: мы, твои жертвы, не держим на тебя зла, и больше того – мы самый верный твой отряд; наша любовь к Родине прошла через настоящие испытания, и мы, закаленные твоими лагерями, не дрогнем перед чужеземным нашествием»*. Оценка «идеи», «посыла» делается по утилитарным и этическим основаниям: *«своевременный, благородный»*.

Третий текст – роман Эренбурга «Буря» – оценивается по утилитарным основаниям: *«спас автору жизнь или по крайней мере свободу»*. Вводный глагол «полагаю» вновь акцентирует диалогичность и дискуссионность авторских размышлений. Альтернативная конструкция с метамаркером «по крайней мере», предвещающим снижение по аксиологической витальной шкале, предлагает читателю выбрать из предлагаемых ситуаций. Сохраняя единообразие композиции, автор формулирует коммуникативно-смысловой перифраз произведения: *«Европа не выдержала искушения фашизмом, и не зря один из главных героев – немецкий антрополог – расчеловечился едва ли не раньше всех. А мы, советские люди, новая человеческая порода, выдержали и пришли на смену европейской культуре; теперь флагманы всемирной культуры – мы, а с мифом о Европе пора расстаться»*. Этот «посыл» оценивается по форме (с использованием градационных средств *«еще откровеннее»*, *«вполне искренен»*), по коммуникативной эффективности (*«она была услышана»*). Векторы персонажной оценки имеют разные знаки: положительная оценка в перформативном жанре с гедонистическим содержанием (*«благодарность за доставленное наслаждение»* от Сталина) и отрицательная оценка писательского собрания, также передаваемая перформативом (*«книгу приговорить»*). Фактологический метатекст традиционно передает способ передачи информации: *«зачитал сталинскую телеграмму»*.

Два последних текста – «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова и «Жатва» Галины Николаевой – объединяются по критерию аргументативного потенциала в сопоставлении с уже названными произведениями: *«не столь очевидны»*. Персонажная оценка также включена в текст – «Сталинская премия». «Посылы» романов Дм. Быков формулирует следующими перифразами: *«дни отступлений нас не сломили, и мы опять-таки на тебя не в обиде, потому что эти дни выковали из нас железных бойцов, профессионалов войны»*, *«если с нами по-человечески, мы выдержим любые тяготы»*.

Завершая композиционную часть, посвященную советской литературе, автор обобщает рассмотренные произведения, связывая в причинно-следственную цепочку их аргументативный потенциал и коммуникативную эффективность: *«...эти пять наиболее наглядны, поскольку достигли своей цели: они сказали ту правду, которую Сталин хотел (или как минимум готов был) услышать и понять»*. В этом фрагменте важен прецедентный подтекст, грамматически заданный указательным местоимением и определительным придаточным, ср. с крылатым выражением «У каждого своя правда». Имплицитный предикат «такая правда» становится оценкой содержания и формы советских произведений «для власти». Мы вновь видим градационную альтернативную конструкцию *«...хотел (или как минимум готов был) услышать и понять»*, акцентированную пунктуационно скобками, которая показывает процесс размышления и создает для читателя иллюзию свободы выбора – согласиться с одной из предлагаемых версий.

Далее автор совершает «хронотопный скачок» в 10-е гг. XXI в. и обращает свой взгляд на рассказ Ю. Лужкова. В этой композиционной части формируется имплицитный метатекст: автор оценивает иносказательный потенциал рассказа, используя номинации персонажей для описания затекстовой политической реальности: *«Охотники выразили лосю недоверие, и дальнейшие его приключения перестали быть интересны читателю»*. Коммуникативная эффективность рассказа оценивается превосходной степенью: *«самая запомнившаяся акция Лужкова перед отставкой»*. Образ размышляющего автора создается вводными словами «пожалуй», «может», частицами «все же», противительными, уступительными, условными, сравнительными конструкциями.

Наконец Дм. Быков переходит к основной смысловой части – главному объекту размышления в русле метапоэтики, к *«стилистическому упражнению»*, к «рассказу для Путина». На уровне фактологической информации автор описывает свое речевое поведение как персонажа (*«я не раз предлагал», «говорил я»*), ментально-речевые действия других персонажей (*«попытайтесь предположить», «версию предложила Татьяна Устинова», «полагает она»*). Повтор речевого глагола показывает равенство персонажей. Автор оценивает обсуждаемые речевые продукты по интеллектуальному основанию: *«интересная версия»*. Перед потенциальными авторами «рассказа для Путина» ставится задача добиться с помощью литературного произведения определенных коммуникативных эффектов: *«воздействовать на него», «нажимать на точки его эмоциональной клавиатуры»*. Главным для персонажей становится поиск формы, а для автора колонки – поиск номинации этой формы и определение коммуникативной функции, «посыла». См. персонажные деонтические метатексты о форме рассказа (*«месседж... должен быть упакован в сентиментальный рассказ о собаке»*), авторские метатексты о форме романа (*«психологический эскиз»*). Авторский метатекст определяет структуру художественного произведения (*«фабула», «могучий финал», «главный герой»*), его коммуникативный замысел (*«внятное и спасительное послание»*). Идея спасения поддерживается повтором: *«мог бы спасти человечество», «спасти вымирающий вид»*. «Посыл» романа связан с этой идеей: *«нужно объяснить читателю – и, в первую очередь, главчитателю... что спасти вымирающий вид можно только при помощи современных, а не архаических, сугубо запретительных мер»*.

Действия персонажей романа-проекта включают и речевые поступки, представленные в метонимической и метафорической формах: *«страна объявила», «потокам государственной лжи»* и др.

Итак, перед нами особый вид метатекста, который описывает еще не существующий в реальности текст, следовательно, выполняет функцию не столько рефлексивно-дескриптивную, сколько рефлексивно-созидательную: метатекст-замысел создает будущий литературный текст.

Вычленим компоненты метатекста-замысла в анализируемой колонке: а) автор-создатель с заданными художественными интенциями (*«пусть даже коллективным усилием всех русских литераторов», «авторы уважают мотивы героя и искренне сострадают ему»*), б) персонифицированный адресат-читатель (*«главчитатель», «рассказ для Путина», «роман для Путина»*), в) главный герой и фабула произведения, отдельные композиционные элементы (*«могучий финал»*), г) форма (*«психологический эскиз, стилистическая доминанта которого – именно чувство одиночества, исторической обреченности, защита вымирающих и, в сущности, деградирующих видов или ценностей»*), д) функция (*«спасти»*), е) коммуникативный посыл (*«объяснить»*).

Образ автора формируется метатекстом, актуализирующим категорию кажимости: *«Мне кажется, сейчас самое время написать роман», «Мне кажется, написать такой роман надо как можно быстрее»*. Однако глагол кажимости имеет в данном тексте значение «имею мнение, уверен». Такую семантику поддерживают другие модальные маркеры: *«по-моему», «в любом случае», «следовало бы написать», «техника... очевидна», «героем... должен стать», «это... должен быть», «именно»*.

Поиск более точного выражения мыслей, номинации объектов и обозначении их места в ряду иных мы находим и в этой части колонки, см.: *«в сущности», «в некотором смысле»*.

Эмотивной кульминацией в создании образа автора, открытого сомнениям и размышлениям, является отрицательный предикат: *«...но как написать его – я пока не знаю»*. Открытое признание своего незнания, неумения создает маску простодушного собеседника. Однако такой коммуникативный типаж вступает в противоречие с пресуппозициями читателей колонки, с их коммуникативными и интеллектуальными ожиданиями, направленными на колумниста. Маска простодушного собеседника позволяет автору в финале текста использовать прием скрытой иронии, которая спрятана в речевом жанре «уговаривание». Согласно

словарям русского языка, глагол *уговорить* имеет значение *убеждая, склонить к чему-нибудь; убедить, заставить согласиться с кем-чем-нибудь, склонить к чему-нибудь, привести какие-нибудь доводы, упросить; успокаивать, утешать (устар.)* и т. п. В современной теории речевых жанров некоторые авторы разграничивают убеждение и уговоры, уговаривание. В целом мы видим в последнем абзаце все признаки уговаривания: коммуникативная цель – изменить точку зрения и склонить к каким-либо действиям, адресант благодаря маске простодушного собеседника занимает симметричную позицию и предполагает возможное отрицание со стороны адресата, наличие действий адресата в прошлом и будущем, включает побуждение и убеждение. Так, в императивном значении используются инфинитив («*Главное – подчеркнуть...*») и модальный модификатор *мочь* («*может расслабиться*», «*может разжать кулаки*»). Жанр «уговоры» формируется в результате повтора элементов, функцией которых является объяснение: оценочная интерпретация («*главное*», «*лучший путь*»), оценочная отрицательная предикация, усиленная частицами («*Не зверь же он, в конце концов*»), ограничительная частица («*просто искренне полагает*»).

Таким образом, метатекст формирует не просто языковую структуру, обеспечивающую связность, а цельный субтекст с тремя уровнями информации – фактологической, концептуальной и подтекстовой. На фактологическом уровне передается информация о способах, формах коммуникации, например: *телеграмма, интересная версия, стилистическое упражнение, прочитать, полагать* и т. д. На концептуальном уровне художественный текст рассматривается как перифрастическое послание определенному адресату – власти, в том числе персонифицированной, см.: *посыл, месседж, должен быть упакован, был услышан* и др. Произведение приравнивается к коммуникативному событию, которое может оцениваться по критерию (не)эффективности / успешности. На имплицитном уровне формируется образ (бес)сильной власти. Метатекстовое поведение создает образ автора, творящего под речевой маской аналитика, который задает тему дискуссии и акцентирует ход своих мыслей, сомнения, альтернативы и др., предлагая читателям со-рефлексировать в поле ментатива.

Обратим внимание на то, что «Роман для власти» Дм. Быкова опубликован в рубрике с метатекстовым названием «Сюжеты»⁵. Таким образом, авторский текст-метатекст становится объектом другого метатекста, который соотносится с образом коллективного автора.

Подытожим результаты исследования. Метатекст колонки как особого жанра организует самостоятельный субтекст – семантический компонент произведения. Специфика функционирования метатекста в данном журналистском жанре заключается в том, что метатекст является а) коммуникативным действием, организующим диалог автора и адресата, б) типичной речевой тактикой интеллектуализации ментатива, соответствующей жанровым ожиданиям читателя, в) инструментом создания речевой маски колумниста. Метатекст колонки выполняет специфическую «текстотипизирующую» функцию, эксплицируя и актуализируя вербальные ценности в рамках ментатива. Если основным содержанием колонки является социально значимое коммуникативное событие, то границы журналистского произведения совпадают с границами метатекста. В ряде случаев колумнист формирует фиктивный метатекст, или метатекст-замысел, выполняющий рефлексивно-созидательную функцию, описывающий (и тем самым создающий) возможные речевые явления, факты, события. Скрытый метатекст, имеющий интертекстуальную природу, и открытый метатекст передают фактологическую информацию, формирует концептуальные и имплицитные смыслы. Специфика колонки заключается в том, что в рамках жанра оценка текстовой деятельности и/или речевого поведения «другого» является, прежде всего, способом интерпретации социальной реальности и максимально коррелирует с аксиологической структурой медиатекста. Так, выделяются следующие векторы метатекстового поведения: а) автор – автор, б) автор – персонаж, в) автор – читатель / персонаж, г) персонаж – персонаж, д) персонаж – другой персонаж, е) чита-

⁵ Наряду с тематической рубрикой в «Новой газете» представлена и так называемая «жанровая»: «Новости», «Расследования», «Репортажи», «Сюжеты», «Мнения», «Спецпроекты». URL: <https://novayagazeta.ru/> (дата обращения 24.01.2020).

тель / персонаж – автор, ж) читатель / персонаж – другой персонаж (ср. [Марьянчик, 2013]). Текстовая деятельность и речевое поведение оцениваются по различным основаниям: эстетическому, утилитарному, коммуникативному и др. Таким образом, метатекст колонки состоит из метатекстовых единиц различного содержания и функций, их групп и связей, организованных коммуникативными векторами субтекста; семантику метатекста следует рассматривать на трех уровнях текстовой информации в функциональной связи с речевыми тактиками и масками автора.

Список литературы

- Ахметбекова А. М.** Метатекст: сущность и признаки // Вестник КазНУ. Сер. филологическая. 2014. № 3 (149). С. 171–175.
- Баранов А. Н., Паршин П. Б.** О метаязыке описания визуализаций текста // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. 2018. Т. 17, № 3. С. 6–15.
- Богачанова Т. Д.** Степени проявленности метаязыкового сознания в тексте (на материале вторичных текстов, созданных на основе стихотворения в прозе И. С. Тургенева «Сфинкс») // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, № 2. С. 152–157.
- Вежбицка А.** Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. Вып. 8: Лингвистика текста. С. 402–431.
- Вепрева И. Т., Мальцева Т. В.** Базовые ценности россиян в отражении языковой рефлексии // Политическая лингвистика. 2017. № 1 (61). С. 113–120.
- Высоцкая И. В.** Функции авторского курсива в романе Л. Толстого «Анна Каренина» // Критика и семиотика. 2010. № 14. С. 134–142.
- Гилева А. А.** Аспекты изучения метатекста в лингвистике // Изв. ВГПУ. 2009. № 10. С. 26–30.
- Карасик В. И., Дмитриева О. А.** Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типаж: Сб. науч. тр. / Под ред. В. И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 5–25.
- Кормилицына М. А.** Некоторые итоги исследования процессов, происходящих в языке современных газет // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2008. Вып. 8. С. 13–34.
- Кузнецов И. В., Максимова Н. В.** Текст в становлении: оппозиция «нарратив – ментатив» // Критика и семиотика. 2007. № 11. С. 54–67.
- Лукашевич Е. В., Бульбина А. А.** Лингвокультурный типаж «Российский колумнист»: система ценностей – система оценки // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2007. Вып. 10. С. 19–34.
- Марьянчик В. А.** Аксиологичность и оценочность медиаполитического текста: Моногр. М.: Либроком, 2013. 272 с.
- Марьянчик В. А.** Речевая маска в структуре образа автора публицистического текста // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, № 6: Журналистика. С. 138–144.
- Перфильева Н. П.** Метатекст в аспекте текстовых категорий: Моногр. Новосибирск: Новосибирский гос. пед. ун-т, 2006. 284 с.
- Перфильева Н. П., Костюченко Ю. А.** Метапоказатели как экспликация лингвистической и коммуникативной компетенции говорящего // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: Коллект. моногр. Кемерово: Кемеров. гос. ун-т, 2010. Ч. 3. С. 66–75.
- Радбиль Т. Б.** Основы изучения языкового менталитета. М.: Флинта, 2010. 328 с.
- Радионова А. В.** Лиро-философский метатекст в русской литературе: Моногр. Смоленск: Изд-во Смоленск. гос. ун-та, 2019. 412 с.

- Рябцева Н. К.** Коммуникативный модус и метаречь // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М.: Наука, 1994. С. 82–92.
- Тюпа В. И.** Нарратив и другие регистры говорения // Narratorium. 2011. № 1–2. URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2027584> (дата обращения 20.01.2020).
- Шпильман М. В.** Об особенностях использования языковой личностью разных типов речевых масок // Уральский филологический вестник. 2012. № 3. С. 78–82.
- Шумарина М. Р.** Язык в зеркале художественного текста: метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы. М.: Флинта, 2011. 328 с.
- Чумак-Жунь И. И.** Метатекст как вариант целостной интерпретации поэтического текста // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. Чита: Забайкальский гос. ун-т, 2015. С. 55–57.
- Ярцева С. С.** Жанровые признаки колонки // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. 2011. № 1. С. 226–228.

References

- Akhmetbekova A. M.** Metatekst: sushchnost' i priznaki [Metatext: essence and features]. *Vestnik KazNU. Ser. filologicheskaya [Bulletin of the Treasury. Philological series]*, 2014, no. 3 (149), p. 171–175. (in Russ.)
- Baranov A. N., Parshin P. B.** O metayazyke opisaniya vizualizatsij teksta [About the metalanguage of text visualization description]. *Bulletin of the Volgograd state University. Series 2: The Linguistics*, 2018, vol. 17, no. 3, p. 6–15. (in Russ.)
- Bogachanova T. D.** The degree of manifestation of metalanguage consciousness in the text (based on secondary texts created on the basis of a poem in prose by I. S. Turgenev “Sphinx”). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2015, vol. 14, no. 2, p. 152–157. (in Russ.)
- Chumak-Zhun I. I.** Metatekst kak variant tselostnoj interpretatsii poeticheskogo teksta [Metatext as a variant of the holistic interpretation of the poetic text]. In: Interpretatsiya teksta: lingvisticheskij, literaturovedcheskij i metodicheskij aspekty [Interpretation of the text: linguistic, literary and methodological aspects]. Chita, Trans-Baikal State Uni., 2015, p. 55–57. (in Russ.)
- Gileva A. A.** Aspekty izucheniya metateksta v lingvistike [Aspects of the study of metatext in linguistics]. *Izv. VGPU [Bulletin of the Volgograd state pedagogical university]*, 2009, no. 10, p. 26–30. (in Russ.)
- Karasik V. I., Dmitrieva O. A.** Lingvokul'turnyj tipazh: k opredeleniyu ponyatiya [Linguocultural type: to the definition of the concept]. In: Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi [Axiological linguistics: linguocultural types]. Volgograd, Paradigma, 2005, p. 5–25. (in Russ.)
- Kormilitsyna M. A.** Nekotorye itogi issledovaniya protsessov, proiskhodyashchikh v yazyke sovremennykh gazet [Some results of the study of processes occurring in the language of modern Newspapers]. In: Problemy rechevoj kommunikacii [Problems of speech communication]. Saratov, Saratov State Uni. Press, 2008, vol. 8, p. 13–34. (in Russ.)
- Kuznetsov I. V., Maksimova N. V.** Tekst v stanovlenii: oppozitsiya “narrativ – mentativ” [Text in formation: opposition “narrative – mentative”]. *Critique & Semiotics*, 2007, no. 11, p. 54–67. (in Russ.)
- Lukashevich E. V., Bulbina A. A.** Lingvokul'turnyj tipazh “Rossijskij columnist”: sistema tsennostej – sistema otsenki [Linguocultural type “Russian columnist”: value system – evaluation system]. In: Aktual'nye problemy leksikologii i slovoobrazovaniya [Actual problems of lexicology and word formation]. Novosibirsk, 2007, iss. 10, p. 19–34. (in Russ.)
- Maryanchik V. A.** Aksiologichnost' i otsenochnost' mediapoliticheskogo teksta [Axiology and evaluation of the media-political text]. Monograph. Moscow, Librokom Publ., 2013, 272 p. (in Russ.)

- Maryanchik V. A.** Rechevaya maska v strukture obraza avtora publicisticheskogo teksta [Speech mask in the structure of the image of the author of a publicistic text]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2010, vol. 9, no. 6: Journalism, 2010, p. 138–144. (in Russ.)
- Perfilieva N. P.** Metatekst v aspekte tekstovykh kategorij [Metatext in the aspect of text categories]. Monograph. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical Uni. Press, 2006, 284 p. (in Russ.)
- Perfilieva N. P., Kostyuchenko Yu. A.** Metapokazateli kak eksplikatsiya lingvisticheskoy i kommunikativnoy kompetentsii govoryashchego [Metapointers as an explication of the speaker's linguistic and communicative competence]. In: *Obydennoe metayazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [Ordinary metalanguage consciousness: ontological and epistemological aspects]. Monograph. Kemerovo, Kemerovo State University, 2010, vol. 3, p. 66–75. (in Russ.)
- Radbil T. B.** Osnovy izucheniya yazykovogo mentaliteta [Basics of studying the language mentality]. Moscow, Flinta, 2010, 328 p. (in Russ.)
- Radionova A. V.** Liro-filosofskij metatekst v russkoj literature [Lyre-philosophical metatext in Russian literature]. Smolensk, Publishing house of the Smolensk State University, 2019, 412 p. (in Russ.)
- Ryabtseva N. K.** Kommunikativnyj modus i metarech' [Communicative mode and meta-speech]. In: *Logicheskij analiz yazyka. Yazyk rechevykh dejstvij* [Logical analysis of language. Language of speech actions]. Moscow, Nauka, 1994, p. 82–92. (in Russ.)
- Shpilman M. V.** Ob osobennostyakh ispol'zovaniya yazykovoj lichnost'yu raznykh tipov rechevykh masok [About the peculiarities of using different types of speech masks by a language personality]. *Ural Philological Bulletin*, 2012, no. 3, p. 78–82. (in Russ.)
- Shumarina M. R.** Yazyk v zerkale khudozhestvennogo teksta: metayazykovaya refleksiya v proizvedeniyakh russkoj prozy [Language in the mirror of a literary text: metalanguage reflection in works of Russian prose]. Moscow, Flinta, 2011, 328 p. (in Russ.)
- Tyupa V. I.** Narrativ i drugie registry govoreniya [Narrative and other speaking registers]. *Narratorium*, 2011, no. 1–2. (in Russ.) URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2027584> (accessed 20.01.2020).
- Vepreva I. T., Maltseva T. V.** Bazovye tsennosti rossiyan v otrazhenii yazykovoj refleksii [Basic human values of Russians in the reflection the language of reflection]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2017, no. 1 (61), p. 113–120. (in Russ.)
- Vezhbicka A.** Metatekst v tekste [Metatext in the text]. In: *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, Progress, 1978, vol. 8: Lingvistika teksta, p. 402–431. (in Russ.)
- Vysotskaya I. V.** Functions of the author's italics in Tolstoy's novel "Anna Karenina". *Critique & Semiotics*, 2010, no. 14, p. 134–142. (in Russ.)
- Yartseva S. S.** Zhanrovye priznaki kolonki [Genre features of the column]. *Bulletin of the Voronezh state University. Series: Philology. Journalism*, 2011, no. 1, p. 226–228. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
15.02.2020

Сведения об авторах

Высоцкая Ирина Всеволодовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории журналистики Гуманитарного института Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск, Россия)
i.vysotskaia@g.nsu.ru

Марьянчик Виктория Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и речевой культуры, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)
v.marjyanchik@narfu.ru

Information about the Authors

Irina V. Vysotskaya, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of Journalism, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)
i.vysotskaia@g.nsu.ru

Victoria A. Maryanchik, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Russian Language and Speech Culture, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation)
v.marjyanchik@narfu.ru